

Из сборника стихов "Отзвуки лета"

* * *

Шелковиц школьные чернила
июнь сгустит до цвета антрацита
и уравниет шалопаю и зубрилу,
наляпав клякс на пыль асфальта
и на забытую из Тацита цитату.

И зной, и воля за окном звенят,
и римской конницы всё так же цокают копыта
по мостовым Одессы — знать не вся
победа для Империи добыта...

Она лишь имена меняет и покрой сенатской тоги,
а мир — двучастный, он такой, как и всегда в итоге:
всегда квадрига вздыбленных коней
готова мчать цивилизации ковриги
для варваров, которым наплевать
на ваш устав,
у них свои интриги —
оседланным удерживают дух,
что гуще и темней шелковиц сока,
что тикает
и цокает в крови
и мезью,
кровной мезью взрывы множит.

Письмо

Засохли веточки полыни,
бессмертник стал сухим и ломким,
но, засыхая, гордо вскинул седые венчики головок...
Он нас с тобой переживет —
букет с фаллическим отростком коровяка,
серпом скользящий под чарами луны по наших дней остаткам...

Он саблей обернулся острой,
стал символом — коварной хордой,
владеющей мстительной рукой.
Ты говоришь — есть путь другой,
честнее и, к тому ж, родной,
он и управится с любой дугой...
Польнью ли горчит, противоборством,
тот сбор душистый трав степных, тобою сложенных в букет неброский,
где синей искрой молний ударений
над вечным спором вечность вспыхнет
и пылью обернувшись, нас заманит к Тире,
чтоб смыть лавиной грозовой всё —
все, что мешало разглядеть друг друга.
Нет, не букет, скорее, веер —
та же хорда и прямые...
но для проворного запястья
здесь упражнения другие —
манить кокетливо, дразнить лукаво,
от дерзких взглядов быть оградой,
потом отточенным посылом
твой приговор отправить рьяно
на языке слегка знакомом,
загадкой быть и быть законом...
Ты знаешь, бражник залетел,
как будто из того столетья,
и сразу наш букет приметил.
Все тот же бархатный наряд —
кокетливое опахало крыльев...
Тогда он что-то нам пророчил,
агатовым подмигивал зрачком,
а ты... а ты его ловил...
Теперь я вижу — иероглиф "ветер" на бархате начертан крыл.
То знак, что нас Господь заметил
И дарит нам еще порыв...

Август 2003

Закипают воды глубин от нещадного зноя,
убыстряется бег nereид за урчащею пеной морскою...

Не догнали
и бросились вроссыпь,
от жаровни рыжеющей бухты
быстрей ушльвая —
вспять от кромки, от гиблой границы
в инкрустации галек и перламутренок мидий
той античной подковы амфитеатра,
охватившей площадку,
где трагедию метаморфоз три стихии
усердно играют летним полднем,
пропитанным йодом и солью, и бризом,
и восторженным вечно-девичьим визгом...
Да, бессмертие, юность не нам предназначены,
все ж рискнем
и отправимся следом
за блеском
чешуек nereидиных вздохов
на глади вскипающей сини,
спустим парусник
с рдяным полотнищем паруса, —

в спину

пусть напустит Борей подорожные бредни...

Убежать, поскорей бы,
от бухты, от жара, от бреда
театральных подмостков безумного века!

Нам,
возлюбленным древнего Посейдона,
поседевшим от соли измен,
от стога прибоя,
от объятий стихий, от прелести воли,
от особой юдоли
собирать все крупинки,
все блески,
все вздохи полуночные и дневные...

Убежать, улетучиться,
как смех nereид,
что волна то накатит, то смoет,
оставляя взамен на арене песка
потревоженных чаек
утонченный почерк,
да рдяные раны,
наши с тобою.
Превратиться то в йоды, то в брызги, то в соли
бессмертного Понта,
его становясь полноправной водою.

Кларнетисту

Пройди, мой вздох, туннель небытия —
томления души поведай,
будь криком сойки,
опаленным ветром,
шептанием ночного камыша
над норкою резвуньи мышки,
последним звуком — тем, о крышку,
тем, канувшим на глубину,
на дно,
где ничего не слышно
и равно
началу нового строенья звукоряда..
Ну а пока мы вместе, рядом,
кларнету волю дай
и выдумке своей,
что тонких пальцев направляет лёт за звуком,
за перелетом стайки мыслей..
Сбившись с курса,
они сошли с ума
и округлили губы в невозможность
земного поцелуя..
И закрутилась кутерьма,
заерничало и защебетало

души игривое начало,
где звуков всех таится клад
и заколдован мир, как встарь,
где первозданное звучанье —
кувшинок сон,
коров мычанье —
все до поры томится.
Нужен вздох
волшебной сказки,
где деву поцелуем принц
освободит от порчи, от дурного глаза
для общего веселья под конец...

* * *

Пугал, как моряка пугает риф,
редакторов мой суггестивный стих —
не тот размер, не тот тариф
в системе ценностей других.

Их виртуальное начало
в клонированной голове
на все вопросы отвечало,
"лавью" перевода в "лаве".

Лови, лови кровавую монету,
в ней золотится взгляд Антуанетты
и вызов дерзкий, вовсе не упрек
швее, цепляющей трехцветный бант клиенту...

О, Революция, теперь твои приметы:
Аллах Акбар, иголка минарета!

